

УДК 34.02 + 34.03

Т. С. Хрущелева

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСТУПКИ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АКТЫ: В ПОИСКАХ НОВОГО КРИТЕРИЯ ДЛЯ РАЗЛИЧИЯ

T. S. Khrushcheva

JURIDICAL QUASI-ACTS AND JURIDICAL ACTS: IN SEARCH OF NEW CRITERION TO DISTINCTION

Критерий направленности на правовые последствия при рассмотрении вопроса разграничения юридических поступков и юридических актов зачастую не устраивает исследователей. Взамен авторы предлагают другие подходы к решению данного вопроса. При разграничении юридических поступков и юридических актов авторы обращаются к следующим понятиям: направленность на движение правоотношения, на реализацию гражданской правосубъектности или защиту нарушенных субъективных прав; кауза; направленность на фактический, материальный результат; волевое содержание. В статье делается вывод, что ни один из рассмотренных критериев не может заменить критерий направленности на правовые последствия.

Ключевые слова: юридические факты, юридические акты, сделки, юридические поступки, направленность на правовые последствия, кауза, цель, правовая квалификация.

An intention to create legal effect as a criterion to distinction between the juridical acts and juridical quasi-acts is not convenient for many researchers. Scholars propose different criteria. To distinguish the juridical acts and juridical quasi-acts authors refer to the following concepts: intention to the movement of legal relationship, to the implementation of the civil legal personality and to the protection of violated rights; causa; intention to the practical, material result; volitional content. The article concludes that none of the criteria can be considered to replace the criterion of intention to create legal effect.

Keywords: juridical facts, juridical acts, transactions, juridical quasi-acts, intention to create legal effect, causa, goal, legal qualification.

Юридические поступки влекут юридические последствия независимо от того, были ли направлены эти действия на вызванные ими последствия. Именно на данном признаке сконцентрировано внимание в литературе. Признак направленности сделки на правовые последствия нашел отражение в дефиниции, содержащейся в ст. 153 ГК РФ. В литературе данное определение подверглось критике [5, с. 88; 9, с. 34; 21]. Опираясь исключительно на указанную норму, было бы сложно отграничить сделки от юридических поступков, так как и при совершении юридического поступка направленность

на правовые последствия не исключена (целенаправленные поиски клада, намеренное уничтожение вещи и др.).

По этой причине А. Б. Бабаев делает акцент на том, что критерием является то значение, которое закон придает воле в данном действии, а не направленность на правовые последствия как таковая [1]. Такого же мнения придерживается и Е. А. Останина, которая придает ключевое значение в вопросе разграничения юридических поступков и сделок не субъективному отношению лица к своему правомерному действию, а указанию закона, который в случае с юридическими

поступками не принимает во внимание направленность воли сторон [14].

В литературе констатируется неудовлетворительность критерия направленности на правовые последствия, его недостаточность, что приводит исследователей к выдвиганию новых идей о различии между актами (в частности сделками) и юридическими поступками.

Специфический взгляд на юридические акты и поступки встречается в работе М. А. Рожковой, которая утверждает, что и юридические акты, и юридические поступки совершаются «со специальным намерением вызвать юридические последствия» [16, с. 127]. Для правильного понимания позиции автора необходимо пояснить, что М. А. Рожкова все допускаемые законом односторонние действия делит на юридические поступки, результативные действия и юридические акты. По мнению автора, юридический акт направлен на движение правоотношения, а юридический поступок направлен на реализацию гражданской правосубъектности или защиту нарушенных субъективных прав. Однако указание на неперемнную направленность на юридические последствия при совершении юридических поступков не согласуется с теми примерами юридических поступков, которые приводит сама М. А. Рожкова. Как юридический поступок, направленный на реализацию правосубъектности, автор рассматривает использование (потребление) объекта прав [16, с. 128]. Во-первых, использование (потребление) объекта прав является реализацией (осуществлением) не правосубъектности, а конкретного субъективного права (права собственности). Сама же правосубъектность «суть не право, не сумма прав и не суммарное выражение тех или иных полномочий, а именно социально-правовая способность лица» [12, с. 32].

Одно из правил проведения классификации заключается в том, что члены классификации должны исключать друг друга [11, с. 248]. Применительно к рассматриваемой классификации М. А. Рожковой, это означает, что односторонние юридические акты не могут быть направлены и на реализацию гражданской правосубъектности, не могут быть направлены на защиту нарушенных субъективных гражданских прав. Однако это не согласуется с устоявшимся в доктрине взглядом на некоторые способы защиты как сделки. Например, меры оперативного воздействия, являющиеся односторонними сделками [4, с. 132—164], односторонний отказ от договора [8, с. 254; 13, с. 16; 20].

А. О. Рыбалов, предлагает использовать для проведения разграничения между юридическими сделками и поступками понятие *каузы*. Автор рассуждает следующим образом: «...действие, которое признается с точки зрения современной доктрины поступком, само по себе исчерпывает ту хозяйственную цель, которую оно должно достичь. Находка утерянной вещи приводит к тому, что вещь попадает под чей-то контроль, поимка рыбы приводит к тому же эффекту — рыба поступает в сферу господства лица; хозяйственный эффект создания вещи или произведения искусства etc. очевиден. Итак, иногда действия как такового достаточно для достижения значимого для правового регулирования хозяйственного (экономического, фактического и т. п.) результата, поэтому отыскивать этот результат как цель поведения лица нет никакой необходимости. Здесь этот результат минует стадию цели» [17].

Однако, несмотря на использование понятия *кауза*, позиция автора недалеко уходит от общепринятой точки зрения на проблему, и как представляется, качественно нового знания не дает. Эволюция представлений о *каузе* закончила свой путь на понимании ее как воли и намерений сторон, выраженных в соглашении, к установлению правовых последствий [2, с. 41]. А. В. Кашанин, на основе произведенного им исследования, определяет *каузу* как правовую цель договора, то есть его направленность на последствия, достигаемые при надлежащем исполнении договора [10]. В итоге, по сути, все снова сводится к той же направленности на правовые последствия, но с использованием термина «*кауза*».

К. И. Скловский предлагает разграничивать сделки и поступки по цели. Цель сделки не состоит в достижении какого-либо полезного, материального результата (изготовление вещи, осмотр картины, поездка и т. д.). В этом смысле сделка — действие неутилитарное. Сделка «сама по себе вовсе не затрагивает ничего вещественного, материального, а создает связь только идеальную, юридическую». Направленность сделки на юридический результат отличает ее от юридических поступков, ориентированных на фактический, материальный результат. От цели следует отличать мотив — тот стимул, ту жизненную потребность, которая стала импульсом формирования воли, совершения самого действия [18; 19].

Рассуждения К. И. Скловского весьма близки со следующей мыслью В. П. Шахматова: «Главное отличие от сделок со-

стоит в том, что определенный имущественный или неимущественный результат является конечной целью совершения любой сделки. Юридический эффект в данном случае является лишь средством для достижения этого результата. В то время как при совершении действий, создающих объективированный результат, правовые последствия наступают в связи с уже достигнутым объективированным результатом» [23, с. 230—231].

В. Б. Исаков также считает, что поступки направлены на интересы и цели, лежащие вне права [7, с. 27].

По мнению В. Ф. Яковлева, сделки имеют исключительно юридическое содержание, совершаются в сфере гражданско-правового оборота и порождают лишь правовые последствия. А такие действия как производство материальных благ и создание результатов духовного творчества, присвоение готовых предметов природы гражданами и организациями на основе действующего законодательства, находятся за пределами гражданско-правового оборота, относятся к сфере созидательного труда и сопровождаются определенным объективированным результатом [24, с. 100].

Приведенные выше выводы ученых (К. И. Скловского, В. П. Шахматова, В. Б. Исакова и В. Ф. Яковлева) могут быть отнесены исключительно к разграничению сделок и материальных юридических поступков. Но они не учитывают специфики второй группы поступков — нематериальных. Исходя из приведенных доводов указанных авторов нематериальные поступки должны были бы быть отнесены к сделкам, поскольку они тоже в своем роде «идеальны», не связаны с материальным, объективированным результатом и являются скорее «средством» для достижения такого результата. Различные уведомления, выполняющие информационную функцию, могут служить примером. Лицо, уведомляющее о том или ином обстоятельстве, исполняет свою информационную обязанность, требование закона, соблюдает определенный порядок для достижения избранной им цели. Уведомление как таковое целью не является, а является средством, при этом оно не связано с достижением материального, объективированного результата. К примеру, уведомление о начале обращения взыскания на предмет залога является условием последующей за ним реализации заложенного имущества (п. 8 ст. 349 ГК РФ).

Т. И. Илларионова писала о *большей степени автономности сделки от сопут-*

ствующих действий как ее отличительно-го признака [6]. Однако как «измерить» эту степень? Как понять достаточно ли автономности у действия, чтобы признать его сделкой? Подобный аргумент можно увидеть у немецкого профессора И. Колера, который видел различие в том, что юридические сделки имеют «самостоятельное положение», а юридические поступки (используя привычный термин для наглядности, сам автор, конечно, его не употреблял) имеют «зависимый характер и должны служить развитию уже существующих юридических положений» [3, с. 82—83]. Однако это утверждение не соответствует реальному положению вещей. Сделки очень часто выступают вовсе не самостоятельно, являясь частью юридического состава. Существуют так называемые вспомогательные сделки, которые «всегда совершаются для реализации другого, ранее существовавшего между сторонами правоотношения, для исполнения обязательств, возникших из закона, из административного акта, из ранее совершенной сделки» [22, с. 216—217]. Особенно это касается односторонних сделок. С другой стороны, юридический поступок может быть единственным юридическим фактом, порождающим совершенно новое правоотношение, а вовсе не развивающим существующее (создание произведения науки, литературы, искусства).

С. Н. Касаткин считает, что отличие юридического поступка от сделки состоит вовсе не в факультативной направленности поступка на юридические последствия, поскольку с позиции автора волевая направленность юридического акта и поступка совпадает и заключается в стремлении субъекта достигнуть намеченные социально-экономические цели. Разница состоит в том, что заключенная в юридическом акте воля учитывается нормами права, а *при юридической квалификации поступка его волевое содержание для закона безразлично*. Для правовой квалификации действия в качестве юридического поступка гражданское право содержит нормы, предписывающие оценивать один лишь только способ совершения действия [9, с. 51—52].

Однако, представляется, что волевое содержание юридического поступка, если не всегда, то во многих случаях безразлично, в нормах закона может быть предусмотрена специальная цель. Например, в п. 1 ст. 980 ГК РФ указывается, что действия в чужом интересе должны совершаться исходя из очевидной выгоды или пользы и действительных или вероятных

намерений заинтересованного лица и с необходимой по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью. Гестор должен осознавать, что его действия направлены на обеспечение интересов другого лица (доминуса). Основной целью гестора должно быть улучшение положения доминуса, а не собственная выгода [15].

Подводя итог, можно отметить, что вопрос разграничения юридических поступков и юридических актов остается

актуальным. Однако ни один их приведенных выше признаков, по тем или иным причинам, не может быть признан надежным критерием для обсуждаемого разграничения. Тем не менее, признак направленности воли на правовые последствия в его объективной трактовке (как требования норм права наличия такой направленности для наступления правовых последствий) остается важнейшим при правовой квалификации правомерных действий.

Литература

1. Бабаев А. Б. Односторонние сделки в системе юридических фактов / А. Б. Бабаев // Сделки: проблемы теории и практики : сб. ст. — М. : Статут, 2008. СПС «КонсультантПлюс».
2. Бекленищева, И. В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции / И. В. Бекленищева. — М. : Статут, 2006.
3. Бернгефт, Ф. Гражданское право Германии / Ф. Бернгефт, И. Колер ; пер. под ред. В. М. Нечаева. — СПб. : Сенатская тип. 1910.
4. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. — Изд. 2-е, стереотип. — М. : Статут, 2001.
5. Егоров, Ю. П. Правовой режим сделок как средств индивидуального регулирования / Ю. П. Егоров. — Новосибирск : Наука, 2004.
6. Илларионова, Т. И. Сделки в механизме гражданско-правового регулирования общественных отношений / Т. И. Илларионова // XXVII съезд КПСС и механизм гражданско-правового регулирования общественных отношений. — Свердловск, 1988. — С. 55—56.
7. Исаков, В. Б. Юридические факты в советском праве / В. Б. Исаков. — М. : Юридическая литература, 1984.
8. Карапетов, А. Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве / А. Г. Карапетов. — М. : Статут, 2007.
9. Касаткин, С. Н. Согласие в гражданском праве РФ : дис. ... канд. юрид. наук / С. Н. Касаткин. — Н. Новгород, 2014.
10. Кашанин, А. В. Кауза гражданско-правового договора как выражение его сущности / А. В. Кашанин // Журнал российского права. — 2001. — № 4. СПС «КонсультантПлюс».
11. Кондаков, Н. И. Классификация / Н. И. Кондаков // Логический словарь-справочник. — М. : Наука, 1975.
12. Красавчиков, О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма / О. А. Красавчиков // Категории науки гражданского права. Избранные труды : у 2 т. — Т. 2. — М. : Статут, 2005.
13. Оболонкова, Е. В. Односторонний отказ от исполнения обязательства: научно-практическое исследование / Е. В. Оболонкова. — М. : Контракт : ВолтерсКлувер, 2010.
14. Останина, Е. А. Зависимость правовых последствий сделки от отлагательного и отменительного условий : науч.-практ. пособие / Е. А. Останина. — М. : Юстицинформ, 2010. СПС «КонсультантПлюс».
15. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй : в 3 т. — Т. 3. / под ред. Е. А. Крашенинникова. — М. : Статут, 2011.
16. Рожкова, М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия : дис. ... докт. юрид. наук / М. А. Рожкова. М., 2010.
17. Рыбалов, А. О. К вопросу о понятии сделки / А. О. Рыбалов // Закон.ru Первая социальная сеть для юристов. — URL: http://zakon.ru/Blogs/k_voprosu_o_ponyatii_sdelki/11244 (дата обращения: 20.04.2014)
18. Скловский, К. И. Сделка и ее действие / К. И. Скловский // Вестник гражданского права. — 2012. — № 3. СПС «КонсультантПлюс».
19. Скловский, К. И. Сделка и ее действие (2-е изд.). Комментарий главы 9 ГК РФ (понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок) / К. И. Скловский. — М. : Статут, 2015. СПС «КонсультантПлюс».
20. Толстой, В. С. Понятие и значение односторонних сделок в советском гражданском праве / В. С. Толстой // Труды ВЮЗИ. — Т. V (Статьи аспирантов). — М., 1966. — С. 135—137.
21. Тузов, Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции / Д. О. Тузов. — М. : Статут, 2007. СПС «КонсультантПлюс».

22. Флейшиц, Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения / Е. А. Флейшиц. — М. : Госюриздат, 1961.
23. Шахматов, В. П. Основные проблемы понятия сделки по советскому гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук / В. П. Шахматов. — Свердловск, 1951.
24. Яковлев, В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В. Ф. Яковлев. — Свердловск, 1972.

ХРУЩЕЛЕВА Татьяна Сергеевна, магистр, аспирант кафедры гражданского права Уральский государственный юридический университет. 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: grpravo@usla.ru

KHRUSHCHELEVA Tatiana, master's degree, graduate student at the civil law department, Ural State Law University. Bld. 21, Komsomol'skaja Str., Ekaterinburg. E-mail: grpravo@usla.ru

For citation: **T. S. Khrushcheleva** Juridical quasi-acts and juridical acts: in search of new criterion to distinction

Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 6(54).2015. pp. 124–128.

